

ДОБРЫЙ ТАЛИСМАН

ГЛАВНЫЙ ХУДОЖНИК

Сценография премьерного спектакля в Театре имени Н. В. Гоголя «Знак батареи Красного Дьявола» Теннесси Уильямса — одна из самых сложных и красивых в этом сезоне. Блестящие разноцветные экраны, перегораживающие сцену, становящиеся в зависимости от освещения прозрачными, зеркальными, непонятными. Они разделяют — в соответствии с перипетиями сюжета, сложными извилинами мыслей автора и задумками режиссера С. Яншина — мир богатства и мир социального неустраиваемости, мир изысканного модерна и мусорную свалку, мир музыки и грохот взрывов, мир любви и мир ревности, привычки, подозрений, мир здоровья и мир, где, как сорняки в поле, растут опухоли в мозгу. Автор оформления и костюмов — главный художник театра Елена Качелаява, один из интереснейших театральных художников Москвы.

Декорации «Знака батареи...», как и все работы этого мастера, красивы, функциональны, выразительны и экономны. Фантазия ее неистощима. В другом спектакле по пьесе

Теннесси Уильямса — «Костюм для летнего отеля» — одна и та же декорация позволяет действию переноситься из психиатрической клиники на Лазурный берег Франции, из двадцатых годов — в сороковые, из реальности — в мир теней и призраков. Разноцветные осенние листья — главный элемент убранства сцены — прекрасно передают и холод осеннего дня, и праздничность рождественского приема на вилле миллионера на Французской Ривьере, и пылающие заката, предвестника будущего пожара, в котором погибнет главная героиня.

И все-таки внешняя красота и проработанность деталей — не главное в оформлении этих спектаклей. Пьесы Теннесси Уильямса, особенно поздние, за постановку которых и взялся Театр Гоголя, — очень глубокие, символические в лучшем смысле этого слова, затасканного за последние десятилетия. Так и сценография Елены Качелаявой. Психологи

(психиатры?) могут, наверное, подтвердить, что внешние детали оформления в «Знаке батареи...» передают глубокую психическую депрессию, а в «Костюме для летнего отеля» — наоборот, нервное и психическое возбуждение, две стороны одной медали, исследование которой и посвятил себя ценой отказа от публичного признания, даже ценой забвения Теннесси Уильямс в своих последних пьесах, в своей «постпсихологической» — беру на себя смелость придумать новый термин — драматургии.

Как удаётся такое глубокое проникновение в сущность сложнейших пьес — это загадка всегда, когда работа поднимается над уровнем простого профессионализма. Может быть, Елена Федоровна сутками размышляет над текстами. Может, главная идея приходит к ней свыше, и она только одевает ее плотью деталей. А может быть, сказываются большой опыт работы — эта

молодая, очень красивая женщина оформила уже 216 спектаклей — или гены, ведь она потомственная художница.

Ее мама, Наталья Валентиновна Вигилянская, окончила Суриковское училище, она ученица Дейнеки. Папа, Федор Григорьевич Качелаяв, высшего художественного образования не получил, но в известной паре художников «Вигилянская и Качелаяв» он играл не последнюю скрипку. Пройдя войну от начала до Победы (редчайший случай — целым и невредимым), он привил дочери любовь к рисованию и высокие нравственные качества.

Окончив знаменитую среднюю художественную школу при Суриковском институте и театральное отделение этого института, Лена Качелаява была, как говорят, единственной, кто поехал по распределению в Орловский драматический театр имени Тургенева. Через год ее пригласили оформить постановку по пьесе начинающего драматурга

Александра Ремизова «Выпускники» в Центральном Детском театре. Ее необычные эскизы буквально поразили тогдашнего директора ЦДТ Константина Язеновича Шах-Азизова, и он предложил ей перейти в этот театр.

Это была судьба. Там она встретила совсем тогда молодого режиссера Сергея Яшина, с которым и создала интереснейшую творческую семью. Сергей Иванович без нее ставил с тех пор разве что только радиооперы, более 50 совместных работ числится за их семьей. Единственное, о чем жалеет Сергей Иванович, что он не может ставить спектакли так же быстро, как их оформляет Елена Федоровна. Зато ее работами могли любоваться жители многих городов — Душанбе («Лес» Островского) и Орла, Днепрпетровска («Царская невеста» Римского-Корсакова) и подмосковного Ногинска. В Ленинграде она работала в БДТ, в Москве — в театрах имени Пушкина, имени Маяковского, на Малой Бронной, в Новом драматическом, в Малом, в Театре имени Гоголя, где она не только главный художник, но и всеобщая любимица и добрый талисман.

Если из двух компонентов успешной творческой деятельности Елены Качелаявой — опыта и трудолюбия, с одной стороны, и хорошей наследственности, с другой, главным является второе, то вскоре мы сможем познакомиться еще с одним ярким художником — дочью Елены Федоровны и Сергея Ивановича Надежда

пошла по стопам матери и уже подает неплохие надежды. Елена Федоровна — молчаливый, хоть и незамкнутый, человек. Художники не выражают себя словами, поэтому не могут сами о себе заявить широко публике, не могут сами на культуру нашу страну покинули более 600 художников, намного больше, чем писателей, но кто выступил в их за-

щиту, кто знает, за редким исключением, их имена? Талант и судьба Елены Качелаявой позволили ей остаться на Родине. За это им благодарны мы все, кто может наслаждаться теперь легкими, как курортный роман, и красивыми, как южная ночь, декорациями к спектаклю по пьесе Андрея Яхонтова «И эту дуру я любил», изысканными костюмами из спектаклей «Комический театр» и «Я люблю Вас, Константин», полным мрачного юмора оформлением спектакля «Мышь»... и старинные кружева, необыкновенно симпатичным «ретро» из «Трамвая «Аннушка», ее портретами — это вторая, после театра, страсть художницы.

Работы театральных художников живы, пока живы спектакли. И уже только в эскизах да в памяти благодарных зрителей остались такие яркие работы Елены Качелаявой, как «Раненый зверь» С. Коковкина на Малой Бронной, «Долгий день уходит в ночь» Юджина

О'Нила в Малом театре, «Разбойники» Шиллера в ЦДТ, «Я построил дом» В. Павлова в БДТ и многое другое. Что-то сохранилось в мастерской и было выставлено на единственной персональной выставке в 1988 году в Центральном Доме художника, многое разошлось по друзьям или продано, многое пропало. Поэтому нужно не упустить свой шанс и увидеть и оформление к пьесам цикла «Неизвестный Уильямс», и «Кто боится Рэя Бредберри», и «Смех лангусти» в Театре Маяковского, и последнюю работу Елены Федоровны — восстанавливаемый на сцене Театра имени Гоголя спектакль «Долгий день уходит в ночь». Театралы и любители живописи в США очень высоко оценили новые эскизы Е. Качелаявой к этому шедевру американской драматургии во время фестиваля Ю. О'Нила в Сан-Франциско этим летом. Наверняка эта работа понравится и нашему не менее искусственному зрителю.

А. ЧЕБОТАРЬ.

ДОБРЫЙ ТАЛИСМАН

Как удаётся театральному художнику так глубоко проникнуть в сущность сложнейших пьес — это загадка всегда, когда работа поднимается над уровнем простого профессионализма. Может быть, Елена Качелаява сутками размышляет над текстами. Может, главная идея приходит к ней свыше, и она только одевает ее плотью деталей. А может быть, сказываются большой опыт работы — эта молодая, очень красивая женщина оформила уже 216 спектаклей, или гены — ведь она потомственная художница.

Очерк о Елене Качелаявой читайте на 9-й странице.

Фото О. Начинкина.

